

РАДИКАЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ФЕЙКОВАЯ ЭКОНОМИКА В XXI ВЕКЕ¹

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА,

доктор социологических наук,
заведующая сектором эволюции
социально-экономических систем,
Институт экономики РАН, г. Москва,
e-mail: kirdina777@gmail.com

Статья обобщает некоторые итоги дискуссий о перспективах радикальной институциональной экономики в XXI в. Они имели место на 38-й конференции Ассоциации институциональной мысли (Association of Institutional Thought), прошедшей в апреле 2017 г. (г. Сан-Франциско, Калифорния, США). В статье представлен вклад представителей радикального институционализма 1990-х гг. в развитие институциональных исследований, прежде всего его основателя Уильяма Даггера, а также таких американских ученых, как Уильям Уоллер, Эдит Миллер, Дж. Рон Стэнфилд, Рон Филлипс, Делл Чэмплин, Дженис Петерсон, Чарльз Уален, Даг Браун, Рик Тилман, Луис Юнкер и Говард Шерман. Специально обсуждаются причины возвращения радикального институционализма в научную повестку в современных США. Среди них – кризисные явления в экономике, ее усиливающийся фейковый характер и рост неравенства в доходах и распределении экономических благ. Также высказывается предположение о том, что дополнительным внешним фактором радикализации науки и общественного сознания в западных странах является переломный момент истории, связанный со сменой полюсов роста и их положения как мировых лидеров. Анализ многолетних статистических данных показывает, что мощь государств с доминированием X-матрицы начинает превосходить влияние стран, где доминируют Y-матрицы.

Ключевые слова: радикальный институционализм; фейковая экономика; Уильям Даггер; Ассоциация институциональной мысли (the Association for Institutional Thought); теория институциональных матриц, или X-Y-теория.

RADICAL INSTITUTIONAL ECONOMICS AND FAKERY FOR THE 21ST CENTURY

SVETLANA G. KIRDINA-CHANDLER,

Doctor of Sociological Sciences,
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: kirdina777@gmail.com

The article summarises some results of the discussions about radical institutional economics (RIE) for the 21st century. The discussions took place at the 38th Conference of

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-02- 00207.

the Association for Institutional Thought, held in April 2017 (San Francisco, California, US). The contribution of radical institutional economists of the 1990s in the development of institutional thought is presented in the article. The works of William M. Dugger – the founder of RIE – are stressed, as well as the roles of other radical institutionalists such as Edythe Miller, J. Ron Stanfield, Ron Phillips, Dell Champlin, Janice Peterson, Charles Whalen, Doug Brown, Rick Tilman, Louis Junker and Howard Sherman. The reasons for the reintroduction of radical institutional economics onto the agenda in the modern US are considered, among them being the increasing fakery in economies and the growth of inequality in incomes and distribution of economic benefits. The article then suggests a hypothesis that an external factor in the radicalisation of science and public consciousness in Western and other countries is associated with a change in world leaders and poles of growth, and is a turning point in history. It is argued that the power of countries in which the X-matrix dominates is beginning to surpass the influence of countries where the Y-matrix dominates.

Keywords: *Radical Institutional Economics; Fakery in Economics; William M. Dugger; The Association for Institutional Thought; Institutional Matrices Theory, or X-Y-theory.*

JEL: B1, B2, B3.

Введение

Как правило, радикализм распространяется в кризисные или переходные исторические периоды, когда ощущается угроза привычному порядку вещей. Его проявления можно видеть не только в политике или социальных действиях, но и в научных концепциях. Для радикализма характерны бескомпромиссность и неприятие сложившейся ситуации, а сам процесс радикализации означает усиление непримиримых настроений, неуверенность существования, приверженность крайним взглядам и резкую критическую направленность по отношению к существующим институтам, идеям, правилам и социальному порядку.

Для институционализма, который зародился в Северной Америке в конце XIX в. и оформился как течение в 1920–1930 гг., критическая направленность была характерна с самого начала. Труды основоположника оригинального классического институционализма Торстейна Б. Веблена – яркая иллюстрация такого подхода. Именно Веблен в свое время придумал известное всем сегодня определение «неоклассическая экономическая теория». Таким образом, он сначала обособил экономику, основанную на маржиналистских идеях, от классической политической экономии, а затем и от институционализма в его исходном критическом варианте.

Оригинальный институционализм (ОИ)² развивался как антитеза неоклассике и базировался на понимании развития экономики как эволюционного процесса, в котором институты играют решающую роль. Оторвавшись от неоклассической теории, не подвергавшей сомнению устои рыночной капиталистической экономики, институционализм – если сравнить его с марксизмом, по сути отрицавшим капитализм, – пытался занять «среднюю линию» между неоклассическим «экономиксом» и марксизмом.

Из истории экономических учений мы знаем, что в 1930-е гг. на основе ОИ постепенно развивается *новая институциональная экономика* (New Institutional Economics). Различие между ней и «старым» институционализмом носит преимущественно методологический характер. Если оригинальный институционализм не принимал неоклассические постулаты, то новый институционализм приспособился к ним и модифицировал, чтобы адаптировать к изучаемой реальности. Например, вместо полной рациональности используется предпосылка ограниченной рациональности, вместо

² В англоязычной литературе используется аббревиатура OIE (Original Institutional Economics).

«просто экономического поведения» анализируются влияющие на него когнитивные и психологические факторы, расширился состав изучаемых издержек: к ним добавились издержки трансакций, и т.д. Однако в целом «методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории» (Keizer, 2007, p. 5), а сам новый институционализм интегрирован в неоклассику и представляет сегодня одно из направлений ее развития³.

Тем не менее новая институциональная экономика, «перешедшая под знамена неоклассики», не заместила собой оригинальный институционализм, который по-прежнему развивается по собственному пути. Идеи Веблена и его сторонников набирают популярность не только в США, но и в странах Европы, Азии и в Австралии⁴. Одной из причин этого является их критический по отношению к капиталистическому обществу характер, а также возможность с помощью вебленовских категорий по-прежнему выявлять проблемы этих обществ.

Ветвь оригинального институционализма, развиваемая в США группой ученых под эгидой Ассоциации институциональной мысли (Association of Institutional Thought), отличается наиболее последовательным отходом от постулатов неоклассической экономики, а также своим радикальным характером. Под радикализацией в данном случае понимается многоплановая критика рыночной модели организации экономики, той экономики, которую исследует и развивает неоклассический мейнстрим.

Радикальный институционализм как особое течение в рамках ОИ впервые был обозначен в трудах Уильяма Даггера в статье 1988 г., а уже через год под его редакцией вышла монография «Радикальный институционализм: современные голоса». Далее свет увидели еще несколько коллективных монографий и статей, развивающих данное направление. Итоги эксперимента по развитию радикального институционализма и его возможные перспективы стали темой специальной сессии «Radical Institutional Economics for the 21st Century» на 38-й ежегодной конференции Ассоциации институциональной мысли, которая прошла в г. Сан-Франциско (Калифорния, США) 13–15 апреля 2017 г. Обзор докладов данной сессии составляет основу настоящих заметок.

Радикальный институционализм 1990-х гг.: основные темы и вклад в развитие институциональной мысли

Родоначальник радикального институционализма (РИ) Уильям Даггер называл его «двоюродным братом марксизма» (Dugger, 1988)⁵. Для представителя оригинального институционализма, основатель которого Торстейн Веблен отвергал марксистскую доктрину⁶, такое признание носило в то время весьма провокационный характер. Однако «поворот к марксизму» в дальнейшем стал одним из признанных достижений РИ и обусловил его влияние на последующее развитие институциональной мысли в США. Как отметил Уильям Уоллер в своем докладе «Radical Institutionalism Reconsidered» («Пересмотренный радикальный институционализм»), это влияние выразилось в том, что благодаря радикальным институционалистам 1990-х гг. Маркс и его идеи были возвращены в институциональный дискурс.

Дело в том, что критика Маркса со стороны Веблена, в частности отрицание им телеологического теоретизирования Маркса и его трудовой теории стоимости, долгое время способствовала тому, что американские институционалисты, особенно Кларенс

³ Сегодня в новый институционализм входят трансакционная экономика, которая изучает сделки и издержки, с ними связанные; контрактная теория, рассматривающая организации как пучки контрактных отношений; экономическая теория прав собственности, анализирующая права собственности и издержки, связанные с их спецификацией, и т.д. (см.: *История экономических учений*. 2000, с. 653–687).

⁴ О развитии идей Веблена и его роли для развития институционализма в России см.: (Кирдина, 2015).

⁵ Неслучайно гуру американской гетеродоксальной экономики Фрэд Ли называл У. Даггера «левым институционалистом» (Lee, 2002).

⁶ Тем не менее многие исследователи Веблена в США, Европе и Австралии (O'Hara, 2000) отмечают соответствие и сходство многих мыслей Веблена и Карла Маркса.

Эйрс (Clarence Edwin Ayres) и его единомышленники, были в состоянии «холодной войны» с марксизмом. Вклад Маркса в анализ и критику капиталистического общества практически игнорировался. Однако радикальные институционалисты, многие из которых были хорошо знакомы с трудами Маркса, фактически легитимизировали для своих «коллег по цеху» работы как самого Маркса, так и последующих марксистов. Они теперь никого не удивляют в институциональной литературе, а сам марксизм стал рассматриваться как часть гетеродоксальной экономики, к которой принадлежат и институциональные направления.

Радикальный институционализм 1990-х гг. основывался на идеях Т. Веблена, которого Уоллер в своем докладе назвал «без сомнения первым радикальным институционалистом». В то же время РИ отличался рядом черт, которые были обозначены У. Даггером в его статье 1988 г. «Radical Institutionalism: Basic Concepts» («Радикальный институционализм: основные представления»). Как писал Даггер, РИ представляет собой глубоко критическую теорию (совокупность теорий) *современных* капиталистических обществ с набором следующих взглядов: 1) рассмотрение экономики как процесса, а не с точки зрения статического равновесия; 2) признание того факта, что эксплуатируемые классы часто иррациональны, что мешает их потенциальной солидарности; 3) существующая власть использует свой авторитет и мифы для поддержания господствующего положения и тирании в обществе; 4) нормальная жизнь должна предполагать равенство; 5) ценности и идеологии важно поддерживать и исследовать; 6) необходима реальная демократия участия (*participatory democracy*); 7) в текущей ситуации целесообразны не инкрементные изменения, а радикальные преобразования.

В рамках этой доктрины ряд американских ученых, разделявших пафос У. Даггера, в 1990-е гг. опубликовали статьи и пять коллективных монографий. Именно на основе этих монографий (*Dugger, 1989; Dugger, Waller, 1992, 1996; Peterson, Brown, 1994; Dugger, 1996; Brown, 1998*) У. Уоллер проанализировал «эпизод» с развитием радикального институционализма, который он рассматривает как своего рода эксперимент в развитии оригинальной институциональной экономики.

Одним из результатов этого эксперимента стало отмеченное выше возвращение марксистских идей в современную дискуссию оригинальных институционалистов. Обогащение набора вебленовских идей и категорий марксистским подходом позволило проводить более глубокий анализ существующих противоречий в развитии рыночных экономик, а также расширить представительство гетеродоксальной экономики в популяции экономистов. В свою очередь, это явилось важным фактором роста их влияния в образовательном процессе американских университетов.

Второй вклад состоит в развитии (или переосмыслении) сторонниками радикального институционализма ряда тем, которые ранее находились на периферии исследований в рамках оригинального институционализма. Среди этих тем Уоллер в своем докладе выделяет изучение природы государства, гендерные, расовые и классовые проблемы, а также неравенство в целом. Таким образом, по сравнению с марксизмом, «реабилитированном» радикалами в институциональном сообществе, к марксовской критике капитализма радикальные институционалисты добавляют новые грани и «размерности». При этом особенность их подхода состоит в том, чтобы исследовать эти весьма популярные в современной экономике и социологии темы с помощью известных вебленовских категорий, которые ранее при изучении этих сфер практически не применялись или применялись лишь эпизодически. Также под влиянием импульса со стороны радикальных институционалистов происходило дальнейшее расширение вовлекаемых в анализ сфер. Так, объектом аналогичного рассмотрения оригинальных институционалистов стали образование, здравоохранение, вопросы окружающей среды.

Уоллер отмечает также и не прямое влияние радикальных институционалистов на современное институциональное сообщество Северной Америки. Оно состоит в том, что его представители⁷ пользуются большим уважением и влиянием в среде институционалистов-эволюционистов. Выражением этого служат приведенные им цифры: восемь представителей радикального институционализма избирались президентами Association for Evolutionary Economics (Ассоциации эволюционной экономики), пятеро – получили самую престижную ее награду Veblen-Commons Award, 10 – избирались президентами Association for Institutional Thought (Ассоциации институциональной мысли).

Подытоживая свой анализ, Уоллер замечает, что, хотя сегодня радикальный институционализм не представляет того сплоченного направления, каким оно было в 1990-е гг., в трудах его представителей, несомненно, присутствует заряд, который они получили тогда в ходе совместной работы.

Радикальный институционализм в XXI в.: причины актуализации

Что же стало причиной возвращения к идеям радикального институционализма в XXI в.? Какие вызовы стоят перед ним в настоящее время? Почему в 2017 г. на очередной конференции Ассоциации институциональной мысли в США этому была посвящена специальная сессия, собравшая самую большую аудиторию, – и это несмотря на то, что на соседней сессии обсуждались резонансные первые 100 дней нового президента США Дональда Трампа?

Ответ на эти вопросы связан в том числе и с феноменом Трампа. Об этом в своем докладе «The Dynamics of Inequality and Fakery in Business Competition and Capital Accumulation» («Динамика неравенства и фейковости (фальши) в конкуренции бизнеса и накоплении капитала») сказал автор концепции радикального институционализма Уильям Даггер. По его словам, избрание Трампа очередным президентом США явно и зримо продемонстрировало всему миру фейковый характер современной западной экономики и всего общества: магнат-миллиардер объявляет одним из главных пунктов своей программы защиту интересов американских рабочих! И эта фальшивая по своей сути идея была «принята за правду», что в значительной мере способствовало победе Трампа. Данный эпизод стал своего рода апофеозом развития фейкового характера капиталистической экономики, и прежде всего США.

Фейковость, фальшивость (fakery) означает, что массово заявляемые политиками декларации и принципы, публикующаяся статистика, экономические и политические обзоры, как и распространяемые СМИ экспертные заключения, не соответствуют реальным делам, фактам, тенденциям. Фальшивым является сегодня мейнстрим экономической науки, который ученый из Великобритании Джон Викс, работавший ранее в Университете Техаса (США), называет «Economics of the 1%» (Weeks, 2014). Фальшивым, ложным становится образование, предлагаемое в американских школах и университетах. Массово фальшивыми становятся СМИ, заменяющие факты многочисленными интерпретациями, которые зависят от идеологических предпочтений интерпретаторов. В своем докладе Даггер приводит соответствующие этой реальности факты и объясняет, как и почему рыночная экономика при конкурентном социальном порядке неизбежно становится фейковой экономикой.

Другая признанная черта современных западных обществ – углубление социальных неравенств, в частности неравенства в распределении доходов, о чем написал в своем экономическом бестселлере французский экономист Томас Пикетти (Piketty, 2014; Пикетти, 2015). В докладе Даггера было показано, как конкуренция в бизнесе и действующие модели накопления капитала, подчиненные корыстным интересам

⁷ Кроме У. Даггера и самого себя, Уоллер относит к радикальным институционалистам как минимум следующих исследователей: Edythe Miller, J.Ron Stanfield, Ron Phillips, Dell Champlin, Janice Peterson, Charles Whalen, Doug Brown, Rick Tilman, Louis Junker, Howard Sherman.

предпринимателей, постоянно усиливают обе отмеченные особенности современных рыночных обществ: и социальные неравенства, и фейковый характер экономики и бизнеса. В этих условиях реформы не способны изменить положения вещей – нужны, как полагает Даггер, радикальные перемены. Таким образом, радикальный институционализм снова возвращается в научную повестку.

Новой задачей радикальных институционалистов в современных условиях Даггер считает получение истинного (не фальшивого) знания о том, как работают современные экономики и общества. Он призывает к тому, чтобы институционалисты шли путем поиска «неудобной правды» (*inconvenient truth*) в противовес тем фейковым науке, образованию и журналистике, которые обслуживают и защищают в конечном счете интересы капиталистических монополий и богатейшей части общества.

Идеи Уоллера и Даггера были поддержаны и конкретизированы в двух других докладах на сессии. Они были сделаны специалистом в области гендерных исследований Барбарой Хопкинс (*Barbara Hopkins*)⁸ и институционалистом, специализирующемся на сравнительных исследованиях экономических систем, Джеффри Шнайдером (*Geoffrey Schneider*)⁹ – он одновременно был и модератором сессии.

Если проанализировать отмеченные участниками причины возвращения радикального институционализма в современную научную повестку американских институционалистов, объединенных под эгидой Ассоциации институциональной мысли, можно отметить, что они носят преимущественно «инсайдерский характер». Действительно, современные радикальные институционалисты, которые исследуют рыночные экономики и признают их капиталистический характер, глубоко понимают проблемы того общества, в котором они живут. Поэтому Даггер и его единомышленники справедливо адресуются преимущественно к внутренним причинам, способствующим радикализации научного дискурса, – усилению фейкового характера рыночной экономики и относительному росту социальных неравенств.

Однако, на наш взгляд, есть и внешние причины новой радикализации во взглядах американских институционалистов (и не только их). Как мы отмечали выше, распространение радикальных настроений в общественном и научном сознании активизируется в кризисные или переходные исторические периоды, когда происходят кардинальные изменения в существующем порядке или соотношении сил, в том числе и между странами. Вследствие такого перераспределения усиливаются военные угрозы, растет вероятность конфликтов, формируются запросы на новые «условия игры». Наши исследования, основанные на использовании теории институциональных матриц, или X-Y-теории (*Кирдина, 2001, 2014; Kirdina, 2017*), зафиксировали такого рода изменения, которые носят глобальный характер.

Речь идет о новом соотношении между странами с доминированием X- и Y-институциональных матриц в современном мире. Для его оценки в разные исторические периоды мы использовали лишь один обобщающий показатель, по которому можно (пусть и косвенно) судить о «мощи» каждой страны по сравнению с другими – это уровень валового внутреннего продукта (ВВП), производимого тем или иным государством в течение года. Мы сопоставили динамику суммарных годовых выпусков ВВП группами X- и Y-стран. Как известно, часто простые цифры оказываются гораздо информативнее многословных объяснений. Почему? «Потому что все оттенки смысла Умное число передает», – писал поэт Николай Гумилев в знаменитом стихотворении «Слово» (*Гумилев, 1995 [1921]*).

График, отражающий динамику суммарной доли ВВП выбранных стран с доминированием X-матрицы и суммарной доли ВВП выбранных стран с доминированием Y-матрицы за период 1820–2015 гг., представлен ниже.

⁸ Ее доклад назвался «Institutional Thought and Alternatives to Capitalism» («Институциональная мысль и альтернативы капитализму»).

⁹ Название его доклада фактически повторяло название сессии – «A Radical Institutional Economics for the 21st Century» («Радикальная институциональная экономика в XXI веке»).

Рис. 1. Доли суммарных ВВП стран с доминированием X- и Y-матрицы, 1820–2015 гг., %

Источником данных с 1820¹⁰ по 2008 г. стали известные таблицы Мэддисона (*Maddison Database, 2010*), где представлена многолетняя динамика сопоставимых уровней ВВП ряда стран, измеренного в млн международных, Geary-Khamis, долларов 1990 г. Данные за 2009–2015 гг. взяты из базы Мирового банка (*Worldbank Database*), находящейся в открытом доступе.

С учетом имеющихся данных была сформирована выборка стран, включающая государства обоих типов. Из стран с доминированием институциональной X-матрицы представлены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи (поскольку Россия в базе Мэддисона отдельно не выделялась до 1920-х гг.). Из стран с доминированием Y-матрицы в выборку включены 12 западноевропейских государств: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция и Швейцария, а также четыре страны за пределами Европы: Австралия, Новая Зеландия, Канада и США.

Входящие в выборку страны производили и производят более 75% мирового ВВП, что делает ее вполне репрезентативной для анализа процессов на глобальном уровне. Читателей, желающих в деталях ознакомиться с процедурами формирования и обоснования выборки, проведения расчетов, а также сопоставлением с аналогичными выводами других исследователей, среди которых А. Г. Франк, М. Эллман, Э. Райнерт и др., мы отсылаем к *Кирдина (2014, с. 308–315)*.

Данные графика показывают нам циклический процесс, в ходе которого происходит смена мировых лидеров. С 1820 г. (и, видимо, ранее) глобальный ВВП формировался преимущественно странами X-матрицы. Начиная с 1870 г. усиливается мощь стран Y-матрицы, которые стали производить более половины мирового ВВП. Максимальный разрыв между двумя группами стран имел место в 1950–1960-е гг., а с 1970 г. он начал сокращаться. Примерно с 2008 г. страны X-матрицы вновь начали выходить на лидирующие позиции, т.е. превосходить страны Y-матрицы в производстве ВВП, и в последующие годы этот разрыв постепенно увеличивается.

Таким образом, на наших глазах меняется глобальная конфигурация основных игроков в мировом хозяйстве. Преобладание стран X-матрицы в мировом ВВП

¹⁰ Представленные в базе Мэддисона данные с XII в. до 1820 г. разрознены и неполны – они охватывают лишь небольшой круг стран. Поэтому за начальную точку отсчета принят 1820 г., начиная с которого имеются данные по широкому кругу стран, что позволяет сформировать достаточно представительную их выборку.

сопровождается и ростом значимости X-институтов в странах с доминированием Y-матрицы. После кризиса 2008–2009 гг. усиление государственного регулирования и централизованного управления, следование идеологии «общего выживания» становятся в них все более популярными.

Этот глобальный фон является, на наш взгляд, одним из тех внешних факторов, которые усиливают напряженность в тех странах, которые в совокупности теряют свои лидирующие позиции. Интеллектуалы западных стран в своих исследованиях все чаще обращаются к новым полюсам экономического роста, прежде всего к странам Азии или БРИКС. Поэтому для них осознание накопленных проблем внутреннего социально-экономического развития на фоне растущей роли стран с иным типом социально-политического и экономического устройства выступает дополнительным стимулом радикальных настроений и неприятия сложившегося в собственных странах порядка вещей.

Заключение

Задача настоящих заметок – ознакомить российскую аудиторию с одним из направлений развития институциональной теории в США – радикальным институционализмом. Его идеи, на наш взгляд, отражают особенности не только современного состояния институциональной мысли, но и подтверждают признанную многими экономистами, социологами и политологами радикализацию общественного сознания в западных странах. Она происходит на фоне потери этими государствами лидирующих позиций в мировой экономике. Этот новый феномен пока еще слабо представлен в научных исследованиях, но все более находит свое выражение на уровне обыденных представлений, в том числе в усиливающихся страхах против других стран.

В дискуссиях на 38-й конференции Ассоциации институциональной мысли в апреле 2017 г. основное внимание было уделено внутренним причинам возвращения радикального институционализма 1990-х гг. в современную научную повестку. Они связаны с накопленными проблемами рыночной экономики в ходе ее развития. Одна из них – усиление относительных неравенств вопреки заявлениям теоретиков мейнстрима о роли экономической и политической конкуренции в преодолении таких неравенств в долгосрочной перспективе. Другая причина – осознание фейкового характера рыночной капиталистической экономики, включая фальшивость обслуживающего ее экономического мейнстрима. Поэтому свою задачу радикальные институционалисты видят в поиске реального социально-экономического знания, а также в предъявлении его обществу, пусть и в виде «неудобных истин».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумилев Н. (1995 [1921]). Слово // Строфы века. Антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. Минск; М.: Полифакт.
- История экономических учений (2000). Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина, Н.А. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 784 с.
- Кирдина С. Г. (2001). Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // *Журнал социологии и социальной антропологии*, Т. IV, № 1, с. 101–115.
- Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб. и допол. М. – СПб.: Нестор-История, 468 с.
- Кирдина С. Г. (2015). Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // *Журнал институциональных исследований*, Т. 7, № 2, с. 6–37.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 592 с.
- Brown, D. (ed.) (1998). Thorsten Veblen in the Twenty-First Century: A Commemoration of the Theory of the Leisure Class (1899–1999). Cheltenham, U.K.: Edward Elgar.
- Dugger, W. (1988). Radical Institutionalism: Basic Concepts. // *Review of Radical Political Economics*, 20(1), 1–20.

Dugger, W. (ed.) (1989). *Radical Institutionalism: Contemporary Voices*. Westport, CT: Greenwood Press.

Dugger, W. (ed.) (1996). *Inequality: Radical Institutionalists Views on Race, Gender, Class, and Nation*. Westport, CT: Greenwood Press.

Dugger, W. and *Waller, W.* (eds.) (1992). *The Stratified State: Radical Institutional Theories of Participation and Duality*. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Dugger, W., Waller, W. (1996). *Radical Institutionalism: From Technological to Democratic Instrumentalism* // *Review of Social Economy*, 54(2), (Summer), 169–189.

Keizer, P. (2007). *The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition*. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute – Utrecht School of Economics, Utrecht University.

Kirdina-Chandler, S. (2017). *Institutional Matrices Theory, or X- and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden* // *Journal of Economic Issues*, 51(2), June. DOI:10.1080/00213624.2017.1321428.

Lee, F. S. (2002). *Mutual Aid and the Making of Heterodox Economics in Postwar America: A Post Keynesian View* // *History of Economics Review*, 35 (Winter), 45–62.

Maddison Database (2010). (<http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm> – Дата обращения: 12.09.2010).

O'Hara, P. A. (2000). *Marx, Veblen, and Contemporary Institutional Political Economy. Principles and Unstable Dynamics of Capitalism*. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 353 p.

Peterson, J. and *Brown, D.* (eds.) (1994). *The Economic Status of Women Under Capitalism: Institutional Economics and Feminist theory*. Aldershot: Edward Elgar Publishing.

Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 816 p.

Weeks, J. (2014). *Economics of the 1%: How Mainstream Economics Serves the Reach, Obscures Reality and Distorts Policy*. London: Anthem Press, 246 p.

REFERENCES

Brown, D. (ed.) (1998). *Thorsten Veblen in the Twenty-First Century: A Commemoration of the Theory of the Leisure Class (1899–1999)*. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar, XIX + 224 p.

Dugger, W. (1988). *Radical Institutionalism: Basic Concepts*. *Review of Radical Political Economics*, 20(1), 1–20.

Dugger, W. (ed.) (1989). *Radical Institutionalism: Contemporary Voices*. Westport, CT: Greenwood Press.

Dugger, W. (ed.) (1996). *Inequality: Radical Institutionalists Views on Race, Gender, Class, and Nation*. Westport, CT: Greenwood Press.

Dugger, W. and *Waller, W.* (eds.) (1992). *The Stratified State: Radical Institutional Theories of Participation and Duality*. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Dugger, W., Waller, W. (1996). *Radical Institutionalism: From Technological to Democratic Instrumentalism*. *Review of Social Economy*, 54(2), (Summer), 169–189.

Gumilev, N. (1995 [1921]). *The Word. Strophes of the Century*. Anthology of Russian Poetry. Minsk, M.: Polyfact. (In Russian).

History of Economic Thought (2000). V. S. Avtonomov, O. I. Ananyin, N. A. Makasheva (eds). M.: INFRA-M, 784 p. (In Russian).

Keizer, P. (2007). *The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition*. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute – Utrecht School of Economics, Utrecht University.

Kirdina, S. G. (2001). *The Institutional Matrices Theory: In Search of A New Paradigm*. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, IV(1), 101–115. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2015). Institutionalism in Russia in 1930s–2010: An Inversion Cycle? *Journal of Institutional Studies*, 7(2), 6–37. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2014). The institutional Matrices and The Development of Russia. Introduction to X-Y-theory. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-History, 468 p. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S. (2017). Institutional Matrices Theory, or X- and Y-Theory: A Response to F. Gregory Hayden. *Journal of Economic Issues*, 51(2), June. DOI:10.1080/00213624.2017.1321428.

Lee, F. S. (2002). Mutual Aid and the Making of Heterodox Economics in Postwar America: A Post Keynesian View. *History of Economics Review*, 35 (Winter), 45–62.

Maddison Database (2010). (<http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm> – Access Date: 12.09.2010).

O'Hara, P. A. (2000). Marx, Veblen, and Contemporary Institutional Political Economy. Principles and Unstable Dynamics of Capitalism. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 353 p.

Peterson, J. and *Brown, D.* (eds.) (1994). The Economic Status of Women Under Capitalism: Institutional Economics and Feminist theory. Aldershot: Edward Elgar Publishing, XVII + 187 p.

Piketti, T. (2015). Capital in the 21st Century. M.: Ad Marginem Press. 592 p. (In Russian).

Piketty, T. (2014). Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 816 p.

Weeks, J. (2014). Economics of the 1%: How Mainstream Economics Serves the Reach, Obscures Reality and Distorts Policy. London: Anthem Press, 246 p.